

тивно <...> Все сии маленькие дорожки, песком усыпанные, обсаженные березками и липками, производят во мне какое-то противное чувство. Где видны труд и работа, там нет для меня удовольствия. Дерево пересаженное, обрезанное, подобно невольнику с золотою цепью. Мне кажется, что оно не так и зеленеет, не так и шумит в веянии ветра, как лесное. Я сравниваю его с таким человеком, который смеется без радости, плачет без печали, ласкает без любви. Натура лучше нашего знает, где расти дубу, вязу, липе; человек мудрит и портит».¹²

Трудно сказать, является ли гоголевский образ сознательной обработкой мысли Карамзина, но, во всяком случае, эта мысль была знакома Гоголю. В 1832 г. он писал из Васильевки И. И. Дмитриеву: «Теперь я живу в деревне, совершенно такой, какая описана незабвенным Карамзиным. Мне кажется, что он копировал мало-российскую деревню: так краски его ярки и сходны с здешней природой» (X, 239).

Гоголь, однако, далеко не ограничивается карамзинским вариантом руссоизма. В целом его творчество представляет собой картину развития идей Руссо на гораздо более демократической основе.

Если крайней формой личной независимости для Карамзина было деревенское уединение, гоголевский идеал «воли» выливается в величественный образ Запорожской Сечи. Там, где у Карамзина шла речь об отдельной чувствительной личности, у Гоголя выступает народ.

В литературе указывалось, что описание «вольной» жизни запорожцев у Гоголя включает в себе много общего с тезисами «Общественного договора».¹³ Запорожская Сечь в «Тарасе Бульбе» — это та форма человеческого общества, где личные интересы не подавляются, а совпадают с общественными.

Нельзя, однако, не видеть той грани, которая лежала между произведениями Гоголя и Руссо, той грани, которая отделяла идеологов Французской революции от писателей послереволюционной эпохи.

Характерными чертами демократического сознания в тот период европейской истории, когда революционность буржуазии уже была исчерпана, а новая революционная сила еще не выступила на историческую арену, было отрицательное отношение к политике,

¹² Н. М. Карамзин, Сочинения, т. VII, стр. 169—170.

¹³ См. об этом в кн.: С. И. Машинский. Историческая повесть Гоголя. М., 1940, стр. 56. К сожалению, сохранилось лишь незначительное число документальных данных, притом имеющих косвенный характер, которые говорят о знакомстве Гоголя с произведениями Руссо. См., например: С. И. Машинский. Гоголь и «дело о вольнодумстве». М., 1959, стр. 51, 162; Г. И. Чудakov. Отношение творчества Н. В. Гоголя к западноевропейским литературам. Киев, 1908, стр. 17. Наиболее ярким свидетельством внимательного изучения Руссо является сам текст гоголевских произведений.